

Екатерина Симонова

Симонова Екатерина Викторовна родилась 7.06.1977 в Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Публиковала стихи в антологиях «Братская колыбель», «Ле Лю Ли», журналах и альманахах «Воздух», «Вавилон», «РЕЦ», «Уральская новь», «Урал», «Транзит-Урал», «Стетоскоп», «Вещь» и др. Автор трех книг стихов: «Быть мальчиком» («Союз», 2004), «Сад со льдом» («Русский Гулливер», 2011), «Гербарий» («Айлурос», 2011). Неоднократно становилась лауреатом фестивалей актуальной поэзии Урала и Сибири «Новый Транзит». Победитель турнира поэтов «Естественный отбор» (Екатеринбург, 2002), Большого уральского поэтического слэма (Екатеринбург, 2009). Участница АСУП-2,3. Живёт в Нижнем Тагиле.

Филологическая маркировка стихов Е.С.

Традиции, направления, течения: символизм, акмеизм, метареализм (метаметафоризм), барочность, постмодернизм.

Основные имена влияния, переклички: М. Кузмин, О. Мандельштам, Е. Туренко.

Основные формальные приемы, используемые автором: символизм, метафоризм, стилизация, интертекст, установка на воспринимающее сознание, богатство ритмических рисунков.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: отношения Я и Ты, девочки, Адель С., Петербург, Серебряный век, поэзия, диалог с мировой культурой, сад, растения, насекомые, небольшие животные, река, термальное состояние холода, мелкие детали, безделушки, прозрачность и призрачность.

Творческая стратегия: эстетизация пространства, автомифологизация.

Динамика: стихи 3-го тома отличаются от текстов 2-го значительным расширением тематического диапазона и образности. Острые пережи-

вания отношений лирической героини с возлюбленными сменяются пристальным вниманием к окружающему пространству, наполненному особым смыслом деталями. Быт, бытовые реалии и сопровождающая их описание obscene лексика вытесняются метафоризмом и стилизациями под Серебряный век, поэзию Русского зарубежья и т.д.

Коэффициент присутствия: 0,83

АВТОБИОГРАФИЯ

Итак, автобиография. А что с ней? А нет ее у меня. Ни мега-авто, ни просто био. Ибо лицо мое почти не изборождено следами сильных страстей, сердце – тоже, жизнь размеренна и обыденна, да и в отношении творчества (ужасное, ужасное слово – ужасно пошлое, пошлое до отвращения!) как-то все вполне себе успокоительно. И вообще все в моей жизни тихо, мило и упитанно.

Зато тогда можно рассказать о родственниках. Ибо они интересней меня. Да и вообще: нужно же хоть о чем-то рассказать, раз нужно.

Итак, с материнской стороны – бабушка Люда, деревенская девочка из Висимо-Уткинска, отец

Мама, Ольга Афанасьевна Дедова

её умер в 1937 году, умер, думается мне, вовремя, иначе явно бы он попал под раздачу тридцать седьмого года, но это уже другая история. Бабушка осталась одна, точнее с мачехой, которая в свое время под страхом написания доноса в ГПУ, пусть фиктивного (но кого тогда это смущало?), развела бабушкиного отца с бабушкиной матерью (и не одну семью до этого так разбила), и под страхом того же доноса родной матери Люсю не отдала, даже после отцовской смерти – тем более после отцовской смерти, потому что Люся была единственной и прямой наследницей хорошего дома, впрочем, позже, по пьяни, переписанного неродной (тоже неродной, вот уж кривая ухмылка судьбы) Люсиной бабушкой на мачеху. Но вскоре наступил 1941 год, бедовая мачеха опять-таки волею судеб оказалась в тюрьме, и на тринадцатилетней Люсе – на одной! – повисло всё деревенское хозяйство с огородом не то в 20, не то в 30 соток, полоумная бабка с тюремными передачами, по военному времени – на вес не то что золота, а даже не знаю, чего дороже. После войны моя будущая бабушка поступила в Тагильское педагогическое училище – потому что там были хлебные карточки. До пенсии отработала учителем начальных классов. По характеру сурова, требовательна и основательна. Настоящая учительница. Как доказывают старые фотографии, в молодости бабушка была кудрява и рыжеволоса (и темную эту рыжесть, с каштановым отливом, не может скрыть даже черно-белое фото), и – вся в веснушках, веснушках и еще раз в них. У моей мамы все это превратилось в чистую русоволосость с едва заметным на солнце рыжеватым отливом, и веснушек почти не было, у меня же рыжины нет в помине, разве что летом, на плечах, под загаром едва проступают редкие темно-рыжие пятнышки, которые и веснушками-то язык не поворачивается назвать, но которых с годами будет понемногу становиться все больше и больше.

Но – не будем отвлекаться! Дедушка, мамин папа, был родом из села Хлупова Курганской области, классический крестьянский сын. В семье было 7 детей и, должна заметить, никогда я не видела и, думаю, более не увижу людей более веселых и дружных. Половина Хлупова и посейчас – либо Дедовы (фамилия дедушки крайне тавтологична и не менее уютна – Дедов), либо состоят с Дедовыми в каких-либо семейных связях. В 1949 году, во время большого голода, дедушка, старший сын в семье, был отправлен родителями в Нижний Тагил – к родственникам (за –дцать лет до того раскулаченным и сосланным сюда, на Урал, в Тагил, на горные угрюмые хребты, в заводские суровые кущи) – для еды, жизни, да в общем-то, вот и все. Здесь Афанасий Гаврилович и прижился, закончил столярное училище, познакомился с бабушкой, бывшей старше его на два года, же-

нился и остался. Работал мастером в столярном училище, плотником был золотым, до сих пор в саду весь дом заставлен «мебелями» его работы: кухонный буфет, зеркало с туалетным столиком и ящиками, тяжеленный комод великих размеров и грандиозный раздвижной дубовый стол с точеными ножками, – вещи, до сих пор заставляющие меня вздыхать от мебельного сладострастия. Дедушка, по моим воспоминаниям, был спокоен и добродушен – качества, увы, мне не передавшиеся, в отличие от семейной женской категоричности и домашней язвительности.

Со стороны отца бабушка и дедушка теперь представляются мне личностями более загадочными, чем мне казалось ранее, может, потому, что знаю я о них меньше и помню их хуже. Бабушка Татьяна – из какой-то деревни под Ленинградом, в сорок первом году оказавшейся на границе между нашими и не нашими и, соответственно, под обстрелом сразу с двух сторон: и с немецкой, и с русской. Выжившие спрятались в лесу, как-то неожиданно (да и было с чего неожиданно) наступила зима, теплой одежды не было, и ночью Таня, которой тогда было 20 лет, выползала (именно выползала, именно это, кривое и унижительное слово) тайком на поле, чтобы срезать с мертвых солдат сапоги, не важно с чьих – с наших, не наших, потому что это было действительно не важно. Каким-то об-

Е.С. и Е. Сунцова, Нижний Тагил, 2004 г.

разом она выбралась из леса, была в эвакуации, работала санитаркой в госпитале, потом на фронте, дошла до Берлина. Медалей, как сейчас помню, у нее была горсть, и еще одна, и еще одна, и... Ими она, думаю, гордилась, однако не слишком берегла, поскольку, как мне кажется, мы с братом их все где-то и заиграли, время их рассеяло, однако память осталась. Возможно, памяти достаточно. Возможно. Думаю, баба Таня была в каком-то смысле женщиной характера крайне авантюрного, поскольку после Победы ее еще пошатало по Руси-матушке, пока не прибило к тагильским берегам. А еще говорят, когда она сидела на стуле, ее коса лежала на полу. Не знаю, я этого уже не застала, а застала только громогласную и крайне активную старуху, не сдававшуюся даже сахарному диабету – ела она зачастую не то, что было нужно, а то, что хочется. И удивительным образом ее организму это, в общем-то, сходило с рук. Папин папа, дед Семен, вообще личность темная и изучению не подлежит, потому что умер, когда я была ну очень маленькой, и помню я его ну очень смутно. Впрочем, как повествуют семейные хроники, он прошел всю Японскую войну, а потом, занесенный – опять же случайно – в Тагил, увидел бабу Таню, влюбился, бросил первую семью и остался здесь. Они и официально поженились-то, когда моему отцу, второму, младшему их сыну, исполнилось десять лет. Впрочем, дед Сеня оказался – с секретом. История забавна и неправдо-

подобна, но романтична до жути. Дедушка Сеня родом числился из деревни под Питером, у него имелся старший брат, причем, вроде бы, оба они были детьми приемными. Как моему дяде (старшему сыну деда Сени) поведал незадолго до смерти этот старший брат, история сего усыновления была такова (излагается эпически): «И был год 1918-й. И вышла к деревне из леса женщина, и вела она за руку одного маленького мальчика, и держала у груди другого младенца. И не была она этим детям матерью, а была она им гувернанткой. И осталась эта женщина в деревне, и вышла замуж, и воспитала этих детей, как своих». И старшим тем самым мальчиком был, конечно же, дедушкин брат, а младенцем, соответственно, – будущий мой дед Семен. И, поведав сию таинственную историю, дедушкин брат до кучи рассказывал о практически единственном сохранившемся его дореволюционном детском воспоминании: идет он по большому дому, из комнаты в комнату, а перед ним открываются одна за другой высоченные золотые двери... В общем, баян не мой: за что купила, за то и продаю. Но, сами понимаете, таким рассказом не прельститься было невозможно! Грех было не прельститься. Мои мама и папа были в чем-то логичным продолжением своих семейных традиций – каждый. Мама, Ольга, – тихой мягкой прелести, но тихого и неожиданного иногда русско-женского упорства, швея из швей, которой из-за слабого зрения

бабушка идти в швейное училище запретила, впрочем, так до сих пор моя мама и шьет, и шьет божественно, причем, естественно, на детях гениев природа отдыхает: я едва могу пришить пуговицу или заштопать разошедшийся шов.

Папа же, Виктор, был молод, задорен и чернокудр (именно не черноволос, а чернокудр! Увы, мне не досталось ни единого локона, тем более – брюнетистого...). Задорность папы можно проследить хотя бы по той маленькой детали, что мама вскоре после свадьбы сшила папе роскошные синие штаны, расклеванные, как дико раскрывшийся зонт, и – с большущими красными кошками на каждой штанине. Кошки дыбили спины, и хвост у них был – трубой. Папа в них ходил на работу – на завод, и гордо пылил междуцеховые тропинки под крайне неодобрительными взорами старшего поколения. Штаны эти я видела лично, в саду, уже старые, выцветшие и пыльные, однако кошки были все так же великолепны, поэтому, поверьте, я знаю, о чем говорю.

Сами понимаете, мне, по сравнению с ними, похвастаться нечем: в 1977 году родилась в Нижнем Тагиле, детство провела там же, юность – тем более, живу до сих пор здесь же и далее, видимо, все в том же духе. Как-то так. С детства была говорлива и любопытна – не заткнуть, пока не решила, что надо стесняться, и стала стеснительной и занудной, да так таковой и осталась. Занудность моя приобрела настолько основательные размеры, что даже подростковый возраст на меня плюнул и решил пройти мимо. Вместо того, чтобы гулять, я читала. Одно из самых обидных воспоминаний заключается в том, что я отказалась гулять с подругой, потому как находилась дома интересная книга («Граф Монте-Кристо», что ли?). Мама, рассерженная тем, что дочь предпочитает бумагу настоящей жизни, книгу волевым родительским решением отобрала у меня, бестолковой. Сколько было слез, как быстро были сделаны мной уроки аж на неделю вперед – в наивной попытке выслушаться... Однако до следующего дня книга мне так и не была возвращена. Однако же и гулять я так и не пошла.

Естественно, с такими-то задатками поступить после школы я могла только на филфак. К сожалению, в Тагиле филфак был только в педагогическом институте, поэтому я отучилась на педагога – без малейшего к тому призвания, зато с филологическим энтузиазмом. Потом уныло отработала в школе 4 года, потом секретарем – 7 лет, теперь работаю менеджером. Крайне, крайне не литературно и не романтично-биографично. Скучно, в общем. Какая уж тут биография?

Стихов никогда не любила. Писание их считала занятием бессмысленным, да и утомительным (а изучение оных – еще более худшим грехом). Честно говоря, с первого же взгляда литераторы

у меня возбудили дурные подозрения: моя душа, душа романтической немецкой ограниченной мещаночки, отказывалась принять нестабильность, восторженность и безоглядность богемы. Впрочем, со временем я втянулась, ибо, как мы все помним, «привычка свыше нам дана – замена счастью она». Как я узнала потом, долгие недели, следовавшие за моим незаметным появлением в студии «Ступени», зав. поэтической частью Евгений Туренко и зав. прозаической частью Борис Телков лениво перекидывали меня друг другу: поэт убеждал прозаика, что я пишу прозу, прозаик же упорно пытался сбегать меня обратно Туренко, мотивируя эту своеобразную игру в пинг-понг тем, что моя проза – это все-таки стихи. В итоге победил Телков. В данном случае он оказался дальновиднее Евгения Владимировича, почувствовав какой-то известной частью организма, что от таких серых мышей, как я, могут быть неожиданные многолетние учительские мороки. Ну, в общем-то, и все. Еще у меня есть три книги, вторая половина, кошка Глафира и кукла по имени Адель (но с куклой – это уже отдельная история).